

АРТУР КЛАРК

ФОНТАНЫ РАЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
К47

Серия «Эксклюзивная классика»

Arthur C. Clarke
THE FOUNTAINS OF PARADISE

Перевод с английского А. Битова

Серийное оформление и компьютерный дизайн
Е. Фerez

Печатается при содействии литературных агентств
David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Кларк, Артур.

К47 Фонтаны рая : [роман] / Артур Кларк ; [пер. с англ. А. Битова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110103-9

Единое человечество, оправившись от войн и конфликтов, решило глобальные проблемы голода, экологии, нищеты и всю осваивает планеты Солнечной системы. На прекрасном острове Цейлон гениальный инженер Морган строит высокоскоростной космический лифт, способный связать Землю с ближайшими к ней планетами. Технические трудности и техногенные катаклизмы, первый контакт с иной цивилизацией, искусственный разум... В этом остросюжетном романе — настоящем гимне Прогрессу и Мысли — переплетено столько идей, что хватило бы на сотню книг!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110103-9

© Rocket Publishing Company Ltd., 1978
© Перевод. А. Битов, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Посвящаю нетленной памяти Лесли Эканаяке (13 июля 1947 – 4 июля 1977), единственного настоящего друга всей моей жизни, в коей удивительно сочетались Преданность, Разум и Сострадание. Когда твой лучезарный и любящий дух исчезнет из этого мира, померкнет свет многих судеб.

NIRVANA PRĀPTO BHUYĀT
(Да пребудешь в нирване)

Политика и религия устарели; пришло время одухотворенности, время науки.

*Джавахарлал Неру.
Послание Цейлонскому обществу
распространения науки.
Коломбо, 15 октября 1962 г.*

Предисловие

От райских куш до Тапробана каких-нибудь сорок лье: замри — и услышишь плеск Фонтанов рая.

Автор неизвестен. Приведено в записках странствующего монаха Мариньолли (1335 г.)

Страны́, которую я назвал Тапробаном, строго говоря, не существует, и тем не менее на девять десятых это остров Цейлон (ныне Шри-Ланка). Из послесловия читателю станет ясно, какие географические объекты, исторические события и герои взяты из жизни, — а пока убедительно прошу поверить мне на слово: чем неправдоподобнее рассказ, тем ближе он к действительности.

Название «Тапробан» нередко произносится «Тапробейн», как если бы оно рифмовалось с «Рейн». Между тем еще Мильтон в 4-й книге «Возвращенного рая» писал о сокровищах «Индии, золотого Херсонеса и самого дальнего из индийских островов — Тапробана...»*.

* © Перевод О. Битова.

Часть I

ДВОРЕЦ

Глава 1

КАЛИДАСА

С каждым прожитым годом корона становилась все тяжелее. Когда преподобный Бодхидхарма Маханаяке Тхеро впервые опустил ее — с такой неохотой! — ему на голову, принц Калидаса поразился тому, что корона почти ничего не весит. Теперь, двадцать лет спустя, король Калидаса с радостью снимал усыпанный драгоценностями золотой обруч, как только позволял этикет.

Впрочем, здесь, на открытой всем ветрам вершине, этикет был почти не нужен: немногие послы или ходатаи испрашивали королевской аудиенции в этой неприступной скальной крепости. Даже те, кто уже проделал путешествие в Яккагалу, нередко поворачивали обратно от самого подножия верхней лестницы — она вела прямо в пасть льва, который, казалось, вот-вот бросится на вас с утеса. Старый король так и не смог подняться сюда, на этот трон, вознесенный под небеса. Когда-нибудь и Калидаса, быть может, станет слишком немощен, чтобы добраться до собственного дворца. Однако в глубине души он сомневался, что доживет до такого дня: многочисленные враги позаботятся о том, чтобы избавить его от унижений преклонного возраста.

Враги не дремали, враги копили силы. Он бросил взгляд на север, словно уже различал там армии сводного брата, который возвращается в надежде занять запятнанный кровью трон Тапробана. Но нет, армии были еще далеко, за морями, за муссонами; хотя Калидаса куда больше доверял шпионам, чем астрологам, было утешительно знать, что в этом сходятся и те и другие.

Сводный брат, Мальгара, вот уже без малого двадцать лет ждал своего часа, строя козни и домогаясь поддержки заморских властителей. Другой враг, еще более вкрадчивый и терпеливый, затаился гораздо ближе, неустанно наблюдая за Калидасой с юга. До безупречного конуса священной Шри Канды сегодня, кажется, рукой подать. С начала времен гора, вознесшаяся над центральной равниной, внушала благоговение каждому, чьи глаза мерили ее высоту. Калидаса при всем желании не мог забыть об этом гнетущем конусе, о силе, которую он олицетворял собой.

А ведь у Маханаяке Тхеро не было армий, не было трубящих боевых слонов с окованными медью бивнями, способных решить исход любой битвы. Первосвященник был всего-навсего стариком в оранжевой тоге, единственной собственностью которого оставались чаша для подаяний да пальмовый лист, защищающий его от солнца. Пока монахи и послушники низшего ранга, окружающие старика, распевали гимны, он просто сидел в молчании, скрестив ноги, — и повелевал судьбами королей. И это было странно, очень странно...

Воздух сегодня был настолько прозрачен, что Калидаса без труда различил монастырь — с такого рас-

стояния обитель казалась наконечником стрелы, заброшенной на самую вершину Шри Канды. Обитель вообще не походила на творение человеческих рук и живо напомнила королю о тех, еще более могучих горах, какие он созерцал в дни юности, когда жил на правах полугостя-полузаложенника при дворе Махинды Великого. Исполины, охранявшие империю Махинды, все до одного были увенчаны белоснежными шапками, сложенными из сверкающего прозрачного вещества, для которого не было слова в языке Тапробана. Индусы верили, что это вода, только заколдованная, но Калидаса смеялся над их наивными предрассудками.

От монастырских стен его отделяли сейчас всего три дня пути — день по королевской дороге, через леса и рисовые поля, а потом два дня вверх, по бесконечной извилистой лестнице, по которой ему уже не суждено больше взойти: ведь она ведет к единственному врагу, какого он по-настоящему страшится, к единственному, кого никогда не сумеет победить. Подчас он завидовал паломникам, чьи факелы в сумерках сливались в тонкую огненную нить, вьющуюся по склону. Последний нищий мог встретить рассвет на священной вершине и получить благословение богов, — последний нищий, но не он, властитель всего Тапробана.

Правда, и у него оставались свои, пусть преходящие, радости. За крепостными валами и рвами сверкали на солнце бассейны, струились фонтаны, манили прохладой Сады наслаждений — недаром он отдал за эти сады все достояние своего королевства. А когда сады надоедали, к его услугам были женщины скал — живые, из плоти и крови, правда, он

звал их все реже и реже, и бессмертные, верные ему навсегда, с которыми он делился своими думами, — ведь, кроме них, он не доверял никому.

Где-то на западе прогремел гром. Калидаса повернулся спиной к священной горе и исходящей от нее угрозе, лицом к смутному предвестью дождя. Муссоны в этом году запаздывали, искусственные озера, питающие сложную ирригационную систему острова, почти пересохли. В такую пору даже отсюда, с утеса, следовало бы видеть, как мерцает вода в самом крупном из них, в том, которое его дерзкие подданные так и не отучились называть — ему-то это было известно! — по имени его отца, Параваны Самудры, морем Параваны. Строительство завершили всего тридцать лет назад, после многих десятилетий тяжкого труда. То были счастливые дни: юный принц Калидаса гордо стоял подле своего отца, когда створки шлюзов наконец распахнулись и животворная вода хлынула на истомленную жаждой землю. Трудно найти зрелище отраднее, чем огромное, покрытое легкой рябью зеркало озера, созданного человеком; зеркало отражало купола и шпили Ранапур, Золотого города — древней столицы острова, которую он забросил ради осуществления своей мечты.

По небу вновь прокатился гром, но Калидаса уже понял, что надежды напрасны. Даже здесь, на вершине Скалы демонов, воздух был по-прежнему тих и безжизнен, не ощущалось и намека на внезапные, беспорядочные порывы ветра, предвещающие начало муссонов. Прежде чем придут дожди, к его работам, того и гляди, прибавится голод.

— Ваше величество, — прозвучал позади вкрадчивый голос церемониймейстера, — послы готовы

в путь. Они хотели бы засвидетельствовать вам свое почтение...

Ах да, эти двое с восковой кожей, которые прибыли из-за западного океана! Жаль отпускать их: чудовищно коверкая тапробанские слова, они поведали ему о многих чудесах света, хотя и признали, что ни одно из них не может соперничать с его дворцом-крепостью в поднебесье.

Калидаса отвернулся от увенчанной белой шапкой горы и иссушенных, дрожащих в мареве равнин и стал спускаться по гранитным ступеням к залу приемов. Казначей королевского двора и его подручные несли за Калидасой драгоценности, слоновую кость и жемчуг — дары высоким, благородным мужам, что ожидают сейчас прощальной аудиенции. Скоро, очень скоро они повезут сокровища Тапробана за моря, в город, столетиями моложе Рананпуры; быть может, эти сокровища хоть на час развеют мрачные мысли императора Адриана.

Преподобный Маханаяке Тхеро не спеша подошел к северному парапету; его тога пылала оранжевым пламенем на белом фоне монастырских стен. Далеко внизу от горизонта до горизонта раскинулась шахматная доска рисовых полей, темнели полосы ирригационных каналов, синевой отливало море Параваны, а еще дальше, за этим внутренним морем, словно призрачные пузыри, парили в воздухе непостижимо огромные, даже на расстоянии, священные купола Рананпуры. Вот уже три десятилетия созерцал он эту панораму, чтобы понять наконец, что ему никогда не удастся постичь всей ее изменчивости и сложности. Краски и контуры менялись с каждым

новым месяцем, нет, с каждым пролетевшим облачком. «И даже в тот день, — подумал настоятель, — который назначен мне, чтобы покинуть эту обитель, я непременно найду еще какую-нибудь перемену».

Лишь один штрих портил этот безмятежный ландшафт. Отсюда, с высоты, серая глыба Скалы демонов казалась песчинкой, но песчинкой, чуждой общей красоте. Легенда гласила, что Яккагала — осколок гималайской вершины, склоны которой некогда покрывали целебные травы, и что бог-обезьяна Хануман обронил его, спеша помочь раненым своим товарищам в те давние дни, когда отгремели битвы «Рамаяны».

Разумеется, невозможно было на таком удалении различить детали безумной затеи Калидасы — чуть заметной полоской выделялась лишь стена вокруг Садов наслаждений. Но тот, кто хоть однажды поднялся на Скалу демонов, был уже не в силах забыть ее. И перед мысленным взором Маханаяке Тхеро предстали — так ясно, словно он вновь очутился между ними, — исполинские львиные лапы, вырастающие из отвесной груди утеса, и зубчатые стены над головами потрясенных гостей; поневоле верилось, что на стенах вот-вот появится проклятый людьми король...

Сверху обрушился гром и в мгновение ока поднялся до такого могучего крещендо, будто сама гора тронулась с места. Непрерывные, находящие друг на друга раскаты проносились по небу, замирая где-то на востоке, — но эхо их еще долго отдавалось у горизонта. Никто в целом свете не принял бы такой гром за предвестника близких дождей: до начала сезона дождей оставалось еще три недели, а Служба муссо-

нов никогда не ошибалась больше чем на двадцать четыре часа. Едва грохот смолк, преподобный Маханаяке обернулся к своему спутнику.

— Вот вам и точный расчет входных коридоров, — произнес он с раздражением чуть большим, чем приличествовало воплощению божественной дхармы*. — Зарегистрированы ли показания приборов?

Молодой монах бросил несколько слов в микрофон на запястье, дождался ответа и сказал:

— Зарегистрированы. Уровень шума достиг ста двадцати децибел. Еще на пять децибел выше, чем отмечалось раньше.

— Пошлите обычный протест в Центр космического контроля. Выясните, кто несет ответственность за сегодняшний случай — мыс Кеннеди или Гагарин. Или лучше пожалуйте в оба адреса. Хотя, конечно, это тоже ничего не изменит...

Смерив взглядом белый инверсионный след, медленно тающий в небе, Бодхидхарма Маханаяке Тхеро — восемьдесят пятый по счету носитель славного имени — вдруг поймал себя на мысли, отнюдь не достойной священнослужителя. Наверное, Калидаса отыскал бы способ вразумить диспетчеров космических линий, озабоченных лишь тем, сколько денег затрачено на килограмм полезного груза. Его способы были весьма доходчивы — посадить на кол, растоптать подковами боевых слонов или бросить в кипящее масло.

Что и говорить, две тысячи лет назад жизнь была много, много проще.

* Дхарма — буддийское учение.

Глава 2

ИНЖЕНЕР

Друзья, ряды которых, увы, редели с каждым годом, называли его Джоан. Остальные если и вспоминали его, то чаще всего по прозвищу Раджа. Полное же его имя вобрало в себя отголоски пяти веков истории: Джоан Оливер де Алвис Шри Раджасингх.

Были времена, когда туристы, осаждавшие Скалу демонов, преследовали его с фотокамерами и магнитофонами, однако новые их поколения уже и не догадывались о том, что когда-то он был едва ли не самым известным человеком во всей Солнечной системе. Он не жалел об утраченной славе — те дни снискали ему благодарность всего человечества. Но они оставили еще и бесплодные сожаления о допущенных некогда ошибках, скорбь о жизнях, которые он не сберег, в то время как кто-то более проникательный или более терпеливый мог бы их сохранить. Конечно, теперь, с высоты пролетевших лет, легко судить о том, какие меры могли бы предотвратить Оклендский кризис или вновь объединить, даже против их воли, участников Самаркандского соглашения. Нелепо было корить себя за неизбежные ошибки прошлого, и все же иногда совесть мучила его сильнее, чем старая, все реже напоминающая о себе пулевая рана — память о Патагонии.

Никто не думал, что его отставка продлится так долго.

— Не пройдет и полугода, как вы вернетесь, — предсказывал ему Чу, президент Мирового совета. — Власть засасывает...

— Только не меня, — отвечал он, в сущности не кривя душой.

Он ведь и не искал власти — она сама пришла к нему. К тому же эта власть всегда носила ограниченный характер — была консультативной, а не исполнительной. Всего-навсего посол по особым поручениям, подчиненный непосредственно президенту и Мировому совету, и число его собственных подчиненных не превышало десяти штатных единиц — одиннадцати, если считать еще и компьютер по кличке Аристотель. (До сих пор прямая линия связи соединяла его личный пульт с необъятной памятью Ари и с ячейками, куда поступали сведения текущего характера, и он беседовал с компьютером по несколько раз в год.) Однако к концу карьеры Раджи совет неукоснительно следовал его рекомендациям, а общественное мнение приписывало ему заслуги, которые зачастую по праву принадлежали скромным безвестным служащим Комиссии по поддержанию мира. Именно деятельность полномочного посла Раджасингха оставалась постоянно в центре внимания: он переезжал из одной «горячей точки» в другую, то подливая масла в огонь чьего-то честолюбия, то предупреждая еще не возникшие пожары, то жонглируя фактами с поистине непревзойденным мастерством. Надо отдать ему должное, он никогда не опускался до прямой лжи — это было бы слишком опасно. Без непогрешимой памяти Ари подчас ни за что не удалось бы разобраться в тех хитросплетениях, которые ему поручали распутать во имя мира. Когда дипломатическая игра стала доставлять ему удовольствие, превращаясь в самоцель, он понял, что пора уходить.

Это случилось два десятка лет назад, и он ни разу не пожалел о своем решении. Те, кто предрекал, будто скука преуспеет там, где не страшны испытания властью, попросту не знали этого человека, не понимали его натуры. Он возвратился к полям и лесам своей юности и поселился в километре от нависшей над равниной гигантской скалы, которая была владычицей его детских грез. Мало того, он поставил свою виллу с внутренней стороны широкого рва, опоясывающего Сады наслаждений, и фонтаны, спроектированные архитекторами Калидасы, которые молчали на протяжении двух тысячелетий, теперь плескались буквально во дворе у Джоана. Вода, как встарь, текла сверху по каменным желобам; ничто здесь не изменилось, только цистерны, спрятанные на вершине скалы, наполнялись с помощью электрических насосов, а не руками изнуренных рабов.

Отнять у вечности этот исторический уголок, чтобы обосноваться на покое, — осуществление этого замысла принесло Джоану большее удовлетворение, чем любое достижение за всю политическую карьеру: сбылась почти несбыточная мечта. Потребовалось все его дипломатическое искусство, не исключая легкого шантажа в стенах департамента археологии. Впоследствии вопрос обсуждался даже в Национальном собрании острова; к счастью, недоуменные вопросы парламентариев остались без ответа.

От туристов и студентов, кроме особо назойливых, его защищал ров, и самые нескромные взгляды не в силах были проникнуть за плотную стену деревьев ашока — мутантов, круглый год пылающих яркими цветами. Деревья дали приют трем-четы-

рем семействам обезьян, и ему нравилось наблюдать за ними, хотя время от времени они устраивали набеги на виллу, унося с собой все, что попадалось им под руку, вернее, все, что они могли унести. Тогда ему приходилось объявлять короткую межвидовую войну. В ход шли шутихи и магнитофонные записи с криками обезьян об опасности; впрочем, людям эти крики досаждали не меньше, чем их хвостатым родственникам, которые если и удирали, то ненадолго, — обезьяны хорошо усвоили, что человек не причинит им зла.

Неистовый тапробанский закат уже успел разлиться на полнеба, когда маленький трехколесный электромобиль, бесшумно вывернув из-под деревьев, затормозил возле гранитных колонн у парадного входа. (Колонны в стиле Чола периода поздней Ранануры представляли собой явный анахронизм. Но никто, кроме профессора Саратха, не замечал этого, зато уж профессор не упускал случая высказаться на сей счет.)

Долгий и горький опыт научил Раджасингха не доверять первому впечатлению, но и не пренебрегать им. Отставной посол был почти уверен, что Вэнневар Морган окажется под стать своим творениям — крупным, внушительного вида человеком. На деле инженер был ниже среднего роста, и с первого взгляда его можно было назвать даже хрупким. Тем не менее его мускулистое тело было крепко сбито, и по лицу, оттененному иссиня-черной шевелюрой, никто не сказал бы, что Моргану уже за пятьдесят. Фотография, извлеченная из тайников памяти Ари, из ее биографического отдела, не слишком отвечала оригиналу: этому brunetu быть бы поэтом-романтиком, или из-